

✎ МАРДЖЕРИ ✎
АЛЛИНГЕМ

Марджери Аллингем (1904–1966) справедливо называют одной из «четырех королев» золотого века английского детектива наравне с Агапой Кристи, Дороти Л. Сэйерс и Найо Марш. Главный герой большинства ее романов – эксцентричный частный детектив Альберт Кэмптон. Книга Марджери Аллингем «Работа для гробовщика» включена в список Генри Китинга «100 лучших романов детективного жанра». По ее произведениям до сих пор снимают сериалы и фильмы.

☞ MARGERY ☞
ALLINGHAM

.....

POLICE
AT THE FUNERAL

.....

☞ МАРДЖЕРИ ☞
АЛЛИНГЕМ

.....
ПОЛИЦИЯ
НА ПОХОРОНАХ
.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
А50

Серия «Золотой век английского детектива»

Margery Allingham
POLICE AT THE FUNERAL

Перевод с английского *Е. Романовой*

Серийное оформление
и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения Peters, Fraser & Dunlop Ltd
и литературного агентства The Van Lear Agency LLC.

Аллингем, Марджери.

А50 Полиция на похоронах : [роман] / Марджери Аллингем ; [пер. с англ. Е. Романовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-095679-1

Расследование таинственного исчезновения пожилого дядюшки Джойс Блаунт на пути из церкви домой превращается в дело об убийстве, когда его связанное и искалеченное тело находят в реке. Однако едва Кэмпбион приступает к работе, как за первым убийством следует второе, а потом и покушение на третье. Кто же уничтожает членов почтенного кембриджского семейства?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-095679-1

© Margery Allingham, 1931
© Школа перевода В. Баканова, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

*Моим семерым дядюшкам
по отцовской линии*

Эта история и ее персонажи, а также пешеходный мостик через реку Гранту в окрестностях Гранчестерских лугов — вымышленные и не имеют никакого отношения к реальным событиям, живым людям или местам.

Глава 1

«ЗДЕСЬ ПОГРЕБЕН БЛАГОДЕТЕЛЬ»

Когда один человек преследует другого на улицах Лондона, сей факт редко остается незамеченным окружающими, сколь бы тщательно ни скрывались преследователь или преследуемый от любопытных глаз.

По меньшей мере четыре человека на улице Хай-Холборн заметили, что за Станиславом Оутсом, недавно произведенным в чин главного инспектора сыскной полиции, шел невысокий коренастый человек — потрепанный, угрюмый.

Инспектор шагал, сунув руки в карманы и подняв воротник непромокаемого плаща так, что тот почти касался полей его помятой фетровой шляпы. Он сутулился, ноги промокли насквозь, и его поступь выражала крайнюю степень уныния.

Случайный прохожий вряд ли бы сообразил, что невысокий господин в кургузом пиджаке идет именно за инспектором. Да и сам преследователь был бы весьма удивлен, если бы ему сообщили, что кто-то разгадал его намерения. Однако же мистер Картер, хозяин цветочной лавки возле здания «Национального провинциального банка», сразу узнал мистера Оутса и заметил бредущего за ним человека, о чем не преминул громко сообщить своей дочери, которая поджидала на улице фургон с экстренным выпуском «Ивнинг стэндарт» и уже набрала полные туфли воды, хлещущей из водосточного желоба.

Швейцар, стоявший на ступеньках гостиницы «Англо-американ», тоже заметил двух господ и подумал не без гордости, что от его взгляда ничто не ускользнет. Старина Годд, водитель последнего такси в ряду выстроившихся перед адвокатским двором машин (все они готовились к вечернему наплыву пассажиров), молча подивился сему зрелищу, поправил очки в тонкой стальной оправе и стал гадать, выдержит ли его единственная уцелевшая тормозная колодка этот окаянный дождь.

Наконец, сам инспектор прекрасно отдавал себе отчет в происходящем: человеку, двадцать пять лет прослужившему в полиции, положено в два счета отличать преследователя от обычных прохожих. Безмолвный спутник, следовавший за ним на почтительном расстоянии, с тем же успехом мог идти по пятам.

Да, инспектор знал, но не обращал внимания. Немало людей на свете могли желать ему зла и строить коварные планы на его счет, однако Оутс понимал: даже самый отчаянный головорез не станет осуществлять эти планы в столь людном месте и среди бела дня. Посему он шел дальше, предаваясь печальным думам. Инспектор — высокий добродушный человек, в целом подтянутый и полный сил, с едва наметившимся брюшком, — мучился лишь легким несварением и неприятным чувством, что удача от него отвернулась. Скоро непременно произойдет какая-то неприятность, думал он. Инспектор не относил себя к людям с богатым воображением, и все же предчувствие есть предчувствие. Его только что назначили главным инспектором сыскной поли-

8 лиции — случись беда, ответственность на нем

теперь лежит немалая. Да еще этот дождь, и расстроенный желудок, погнавший его на прогулку, и опять этот треклятый дождь...

Посреди ревающего на Холборнском виадуке урагана инспектор остановился и выбралил себя за неосмотрительную вылазку на улицу. Загадочный преследователь тревожил его сейчас меньше всего. Черт бы побрал этот дождь! Все гостиницы остались далеко позади, а питейные заведения открывались только через полтора часа — спасибо дорогому правительству, чрезмерно обеспокоенному вопросами нравов. Мокрые насквозь брюки липли к лодыжкам, а когда Оутс рывком поправил воротник плаща, с поля фетровой шляпы прямо за шиворот хлынул целый водопад.

Выходов из сложившегося положения было множество. Инспектор мог сесть в такси и уехать обратно в Скотленд-Ярд, или в какой-нибудь ресторанчик, или отель, где его бы накормили и обогрели, но настроение у него было вконец испорчено, и теперь он злобно озирался по сторонам. Неужто самый мокрый констебль на участке не найдет себе укрытия, какой-нибудь уютной гавани среди серых конторских дебрей? Неужто не отыщет уединенного, пусть и слегка пыльного закутка, где можно обсохнуть, согреться, а то и выкурить запретную трубочку?

В Лондоне, как и в любом старом городе, который тысячелетиями строился и перестраивался, есть множество подобных уголков — крошечных, всеми забытых местечек, сокрытых среди каменных громадин частной собственности и по чьему-то недосмотру до сих пор принадлежащих обществу. Стоя на виадуке, Станислав Оутс мысленно отправился

в прошлое, в те давние времена, когда он был простым лондонским констеблем, только-только приехавшим в столицу из провинции. Уж конечно, он не раз ходил по этим унылым улицам, возвращаясь домой после патрулирования холборнского участка, и уж конечно, здесь найдется укромный уголок, где в молодости он готовился к весенним устным экзаменам, наводившим ужас на всех молодых полицейских, или строчил приукрашенные донельзя рассказы о своих похождениях доверчивой и прекрасной Мэрион, жившей тогда еще в Дорсете.

Хотя с тех пор дома вокруг изменились, характер местности остался прежним. Память возвращалась к Оутсу, и забытые городские пейзажи проступали сквозь пелену лет. Внезапно он вспомнил затхлый дух теплых мешков и горячих труб. Перед глазами сразу встала темная подворотня с кругляшком света в конце, красная дверь, подпирающее ее ведро и рядом — статуя.

Настроение мгновенно улучшилось, и Станислав Оутс двинулся в путь. Очень скоро резкий поворот привел его к узкой арке, втиснутой меж роскошных дверей двух торговых контор. Брусчатка в проходе была потертая, узкие камни налезали друг на друга, а на выбеленной стене висела небольшая щербатая табличка. Надпись, частично скрытая пылью, а частично — темнотой, гласила: «К могиле».

По этому проходу инспектор Станислав Оутс и устремился без всякого промедления.

Ярдов через пятнадцать он попал в небольшой дворик, который выглядел точь-в-точь как в его молодости (и, между прочим, как сто лет назад).

10 Черно-коричневые дома поднимались к угрю-

мому серому небу, образуя узкий двор-колодец. Виновником появления этой вентиляционной шахты посреди плотно застроенного квартала был каменный истукан в камзоле и чулках, занимавший большую часть двора и стоявший на клочке жухлой травы за невысокой оградкой. Надпись на постаменте предостерегала всех любопытных:

*Сэр Томас Лиллипут
Купил здесь землю, чтоб
Уснуть навек под ней.
Его останки не тревожь,
Дабы потом твой прах
Не знал бы доли сей.
Лорд-мэр Лондона, год 1537-й.*

Ниже, уже более современным шрифтом, было начертано следующее:

*Здесь погребен благодетель,
Никто да не потревожит прах его.*

По всей видимости, благочестивые и суеверные лондонские магнаты последующих столетий настолько чтили память сэра Томаса, что от греха подальше решили строиться вокруг его останков, а не прямо над ними.

Строители, однако, нашли дворику практическое применение: отсюда в некую древнюю контору, расположившуюся в восточной части квартала, вносили уголь. Вышеупомянутая красная дверь вела в каморку с древней топкой.

Между косяком и дверью, не давая последней закрыться, как всегда, стояло ведро; причем

инспектору, поддававшемуся ностальгии, почудилось, что это самое ведро подпирало дверь и двадцать лет назад. Он бы ничуть не удивился, если бы узнал, что и кочегарит здесь до сих пор старик Фокси — имя всплыло в памяти с поразительной ясностью. Уныние инспектора стремительно рассеивалось, и он бойкой пружинистой походкой направился напрямиком в котельную, едва сдержав безумный порыв поддать ногой ржавое ведро.

— А вот и наш клиент, дорогой Ватсон, — раздался из темноты высокий мужской голос. — Силы небесные! Доблестная полиция!

Подскочив на месте от неожиданности, Станислав Оутс тут же развернулся и обнаружил перед собой молодого человека, устроившегося на груде хлама возле теплой печи. Узкий луч света из топки осветил лицо незнакомца, — и у инспектора невольно вырвался вздох облегчения.

Его взору предстало длинное худощавое тело, увенчанное крупной головой. Бледное лицо наполовину скрывали массивные очки в роговой оправе, а завершала нелепый облик старомодная охотничья шляпа с двумя козырьками и отложными ушами.

Главный инспектор сыскальной полиции Станислав Оутс захохотал. А ведь еще десять минут назад ему казалось, что он навсегда лишился дара внезапно поддаваться веселью!

— Кэмпиион! От кого вы скрываетесь на сей раз?

Молодой человек не без труда сошел с трона и протянул ему руку.

— Поджидаю клиента, — молвил он. — Вот уже полчаса как сижу на этом самом месте. А вы тут

12 какими судьбами?

— Забрел в поисках тепла и тишины, — проворчал инспектор. — У меня от этой погоды печенка расшалась.

Он снял плащ, резко его встряхнул и расстелил на троне мистера Кэмпiona. Затем повторил те же действия со шляпой и встал почти вплотную к котлу, так чтобы только не обжечься. Его приятель наблюдал за этими действиями с выражением легкого недоумения на растерянном лице.

— Ну надо же, — произнес он. — Объясните все-таки, что вы тут забыли? Бывалый полицейский отправляется в сентиментальное путешествие по местам боевой славы? Главный инспектор лондонской сыскной полиции посещает место, где совершил свое первое задержание? Простите за столь навязчивые расспросы, Станислав, но, как уже говорилось, я жду клиента — точнее, клиентку. Заслышав ваши тяжелые шаги, я было решил, что это топают моя таинственная незнакомка. И, признаться, моя душа невольно ушла в пятки.

Инспектор окинул его внимательным взглядом.

— С какой стати вы так вырядились?

Мистер Кэмпion снял с головы чудовищное твидовое сооружение и с любовью его осмотрел.

— По дороге сюда я заглянул в «Беллокс», и мой взгляд невольно зацепился за эту шляпу. Один окружной викарий якобы заказывает у них такую каждый год, чтобы охотиться в ней за крысами. Разве я мог пройти мимо? Идеальный аксессуар для душевной беседы с романтической особой, не находите?

Инспектор ухмыльнулся. Тепло уже начало согревать его продрогшие кости, и к нему быстро возвращалось привычное добродушие.

— Какой вы все-таки удивительный человек, Кэмпион! Вас можно застать в самых неожиданных местах. Признаться, я считал, что про этот укромный уголок знают всего несколько человек на весь город. Впервые за двадцать лет я посещаю это место — и встречаю здесь вас, да еще при полном параде! Как вам это удается?

Кэмпион задумчиво опустил отложные уши охотничьей шляпы.

— Мне это местечко подсказал старый добрый Лагг. Он, знаете ли, до сих пор у меня работает. Помесь бульдога и *femme-de-chambre**. Я попросил его посоветовать подходящее место для разговора с юной леди, которую самым жестоким образом дезинформировали: она убеждена, что я — частный детектив.

Инспектор постучал трубкой по котлу.

— Каких только слухов не ходит о вашей персоне! И кто же вы теперь, позвольте узнать?

Кэмпион взглянул на него с укоризной.

— Я — заместитель авантюриста. Недурно, а? Это я сам придумал на днях. Великолепно меня характеризует.

Инспектор мрачно покачал головой.

— Надеюсь, больше никаких чаш? В прошлый раз вы изрядно меня напугали. Однажды вы угодите в беду, ей-богу.

Молодой человек просиял.

— Что вы разумеете под «бедой», интересно?

Инспектор не улыбнулся.

— Под «бедой» я разумею вот это. — Он указал сквозь открытую дверь на статую, под которой по-

14 * Горничная (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.

коился прах Томаса Лиллипута. — Впрочем, вам-то памятник вряд ли поставят. Что стряслось на сей раз? Очередной скандал в высших кругах? Или разоблачаете шпионский заговор?

— Ни то, ни другое, — с сожалением ответил мистер Кэмпион. — Я пришел сюда с ребяческим намерением пустить пыль в глаза. И заодно — отыграться. Я встречаюсь здесь с молодой леди, о чем сказал уже, наверно, раз шесть. Но вас я не гоню. Мы с ней не знакомы, а вы даже придется кстати — для антуража. Не затруднит ли вас сходить на улицу и попросить у одного из своих подчиненных шлем? Тогда она не усомнится в моей правдивости, когда я вас представлю.

Мистер Оутс насторожился.

— Если к вам идет какая-то легкомысленная особа, не вздумайте говорить ей, кто я такой, — предостерег он. — Вы так и не рассказали о цели вашей встречи.

Мистер Кэмпион выудил из нагрудного кармана листок плотной серой бумаги.

— Вот письмо от адвоката. Сколько нынче адвокаты дерут за одно письмо? Шесть шиллингов восемь пенсов? Ну же, читайте. Длинные слова я вам объясню.

Инспектор взял письмо и стал читать, тихо бормоча себе под нос:

Кембридж, Квинс-роуд, Соулс-корт, 2

Дорогой Кэмпион!

Я всегда был убежден, что первым обратишься за моей профессиональной помощью ты, а не наоборот. Однако судьба — как всякая особа женско-